

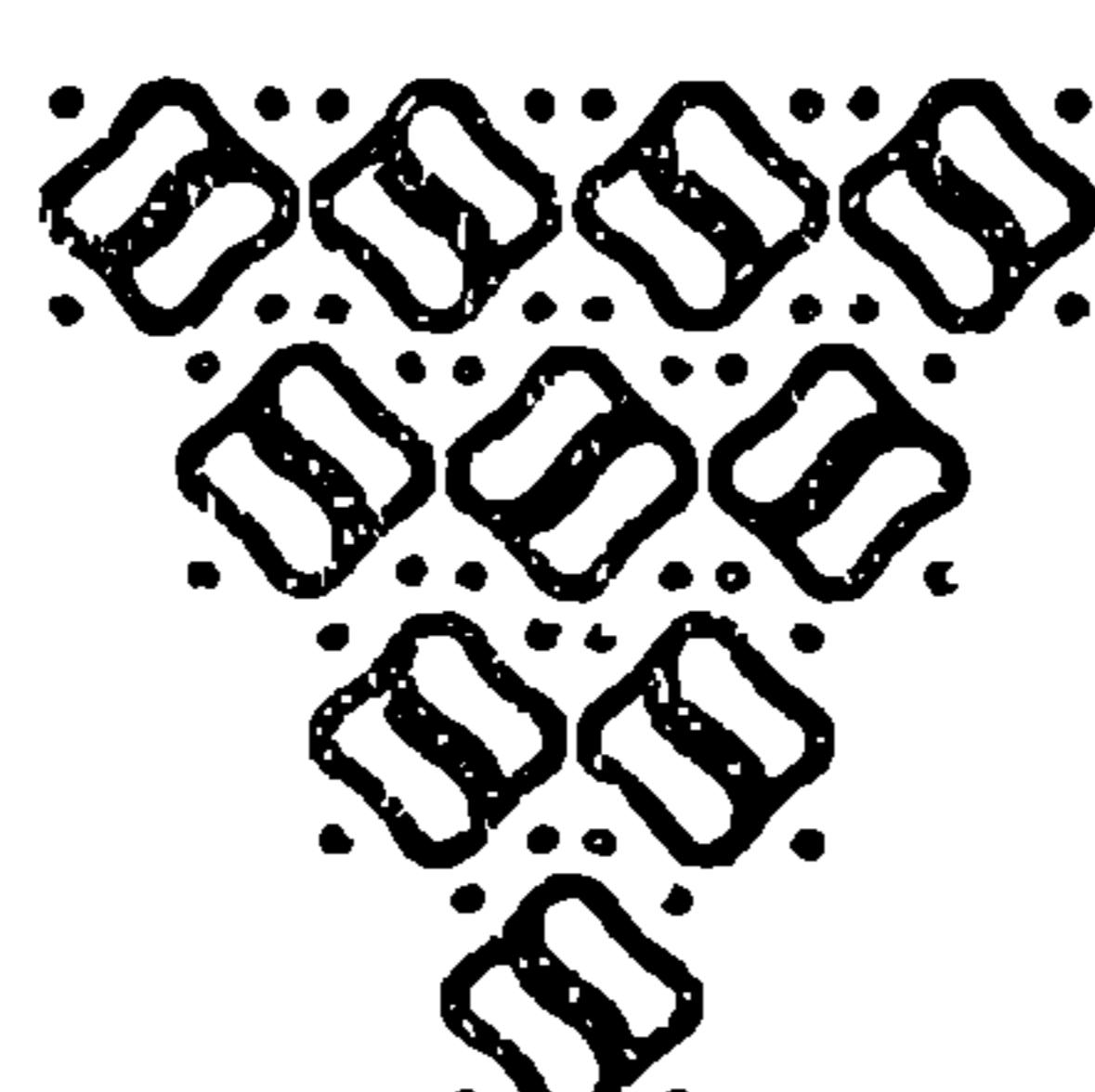
ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.

ВЫПУСКЪ 14.

ЕВМЕНІЙ ИВ. САБОВЪ.

Рѣчъ

по поводу торжества
открытия памятника-бюста
АЛЕКСАНДРА В. ДУХНОВИЧА
въ В. Севлюшъ 8/VI 1925.

УЖГОРОДѢ.
ТИПОГРАФІЯ „ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩІ“.
1925.

Я не думалъ въ 1892 г., когда написалъ первый „Очеркъ литературной дѣятельности и образованія угро-руссихъ“, что настанетъ благопріятное время пополнить сей трудъ тѣмъ, что не было возможно въ немъ помѣстить при его выходѣ.

„Богъ прирѣлъ насъ, бѣдныхъ русиновъ“, сказалъ мнѣ мой любимый вѣрникъ 5/XII 1918 г. по поводу организаціи „Русской народной Рады“ въ В. Севлюшской русской школѣ, гдѣ делегаты Угочанской области, — послѣ долгаго молчанія, — дружно пропѣли: „Я русинъ былъ“. Съ тѣхъ поръ поютъ и „Подкарпатскіе русины, оставьте глубокій сонъ“; и днесъ я подъ открытымъ Божіимъ небомъ честь имѣю привѣтствовать въ числѣ другихъ собравшихся и представителей политической власти у подножія памятника, поставленнаго стараніемъ „Самообразовательнаго кружка В. Севлюсихъ учителей“ при щедрой помощи „Школьнаго Отдѣленія“ и Министерства народнаго просвѣщенія.

Да! Богъ прирѣлъ насъ! Привѣтствую четыре школьныхъ поколѣнія. Первое это — свидѣтели, знаяше лично А. В. Духновича; второе — учившіеся по его „Книжицѣ“, вышедшей въ 1865 году; это мои сверстники, свидѣтели національно-русскаго возрожденія; трети, — это школьная верста, начинавшая учиться русской грамотѣ въ 1880-хъ г.; а четвертое, — это поколѣніе, воспитавшееся въ концѣ минувшаго столѣтія почти исключительно на мадьярскомъ языкѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ „книжный фондъ епархii мukачевской“ въ 1893 г. напечаталъ мою „Хрестоматію“, открылось

много рукописей, которые и были опубликованы.¹⁾ Но онъ не дали оснований исправлять, или менять мои воззрѣнія, высказанныя въ моемъ „очеркѣ“.

Нѣкоторые новые памятники, свидѣтельства попытокъ предковъ нашихъ до А. Духновича, и его громаднаго вліянія на общественную жизнь нашей родины до 1880-ыхъ годовъ, я приведу.

Наша область все еще — загадочная страна. До конца минувшаго вѣка держалась традиція предковъ, что 1. мукачевская епархія основана еще во время св. Кирилла и Меѳодія и 2. что мы — автохтоны въ области этой епархіи. Мадьярскіе историки, наоборотъ, учили, что эта область и въ XIV вѣкѣ представляла собою непроходимые дремучіе лѣса, по южнымъ опушкамъ которыхъ кое гдѣ сидѣли только псари и царскіе сторожа лѣсовъ на границѣ (*ingaines*), люди не русскіе; а самые руснаки начали переселяться сюда черезъ сѣверные Карпаты въ видѣ крѣпаковъ только съ XIV вѣка. Въ 1913 г. появилась первая мадьярская книга²⁾ Ядора Стрипскаго, указавшаго на вліяніе греческихъ монаховъ на мадьярскую церковную культуру и отрицавшаго *большое* вліяніе церковно славянского міра.

По моему скромному мнѣнію, часть документовъ, помѣщенныхъ Я. Стрипскимъ показываетъ, что *останки чешско-моравской церковно-славянницы* естественнымъ путемъ стремились вдоль истоковъ р. Тисы, и поперекъ Карпатъ къ нашей области, и тутъ и закрѣпились такъ, что тутъ-же, по словамъ сборника о. Андрея Поповича,³⁾ стали „какъ памятникъ богослужебному нашему языку, пособіемъ котораго спасена русская народность отъ погибели“.

На этихъ историческихъ открытіяхъ нужно остановиться.

1. Проф. Ягичъ открылъ церковно-славянскую рукопись XIV вѣка, въ которой говорится, что *записская область* еще

¹⁾ а) Сочиненіе Михаила Росвиговскаго издано въ С.-Петербургѣ А. Петровымъ; б) въ Прагѣ изданы „Нѣговскія поученія“; в) нѣкоторыя произведенія обработаны и изданы галицкою братіею.

²⁾ Jegyzetek a görög kultura Árpád kori nyomairól. Bpest.

³⁾ Сборникъ (церковный). Ужгородъ. 1864.

въ IX—X вѣкахъ нуждалась въ церковныхъ книгахъ, по мнѣнію Ягича греческихъ. Если бы миссионерами были греки, то недостатокъ въ греческихъ книгахъ не былъ бы понятенъ. Но въ это время была уже канонизирована и Римомъ церковно-славянщина, которая даже преслѣдовалась нѣмцами. Такимъ образомъ смыло можно предполагать, что эти книги были — кириллическія.

2. Послѣдніе монахи — *vasильяне св. Меѳодія*, изгнанные изъ чешской Сазавы, получили убѣжище въ затисскомъ монастырѣ (жупа Бигорская), при царѣ св. Владиславѣ (1077—1095) Угорскомъ, въ Терновомъ.¹⁾ Этотъ монастырь основалъ тотъ-же Андрей I (1046—1061), который основалъ и св. Андреевскій (до 1055 г.) вблизи вышедунайскаго Вышеграда. А въ семъ монастырѣ могли поселиться при греческихъ монахахъ и моравскіе васильяне кириллическіе, преслѣдуемые „нѣмецкою“ церковью, благодаря отношенію грековъ и самого царя Андрея I къ Кіевской Руси.

3. Латеранскій синодъ²⁾ (1215) приказываетъ угорскимъ епископамъ посыпать въ притисскую область „правовѣрныхъ“ священниковъ, существующихъ служить на *материнскомъ языку* вѣрниковъ, то есть на кириллическомъ, церковно-славянскомъ, т. к. мадьярскаго обрядового языка не было.

4. Какъ слѣдствіе угнетенія церковнославянщины и для подкрѣпленія ея, уже въ XIV вѣкѣ монастырь Грушевскій произведенъ Константиноградомъ въ ставропигической, гдѣ первый книгопечатникъ въ концѣ XV вѣка могъ издать 2 церк. славянскія богослужебныя книги³⁾ и даже первую элементарную азбуку.⁴⁾

Паралельно съ симъ стремленіемъ кирилловщины въ Затисье и оттуда къ нашей Подкарпатской Руси, *сохранились и доштарскія историческія письма о нашихъ предкахъ (rutheni) въ Затисской области*. Ихъ находимъ въ Чонадѣ⁵⁾ по южному теченію р. Тисы, въ жупѣ Красна⁶⁾ уже вблизи насъ,

¹⁾ Я. Стрипскій. Jegyzetek. p. 40—42.

²⁾ Ibid. p. 44.

³⁾ А. Петровъ. Матеріалы. V. p. 103—105.

⁴⁾ А. Кралицкій. Воспоминанія. Листокъ.

⁵⁾ Jegyzetek. Я. Стрипскій. p. 43.

⁶⁾ Regestrum Varadiruse.

и на теперешнѣй Словакії. Съ другой стороны, жители села Дубового говорятъ, что ихъ предки — „*пришли туда изъ доловъ*“; прародки Кричева защищали деревянный замокъ „Дуднавецъ“ отъ татаръ. Никто не доказалъ, когда поселились сюда наши нижняне — „*бляхи*“? А межъ тѣмъ Я. Стрипскій утверждаетъ, что въ юго-восточной области Седмограда *этнографически доказана первобытность русскаго народа* на територіи, заселенной сейчасъ сиклерами. Важно при семъ, что Седмоградъ лишь при св. Владиславѣ былъ присоединенъ окончательно къ угорской коронѣ. Нашествіе кумановъ, татаръ, позже турокъ, было причиной постепенного и вполнѣ естественнаго стремленія убѣгать и скрываться, а при большомъ напорѣ со стороны непріятеля и менять прежнее небезопасное место жительства и *селившись на менѣе опасномъ у подошвѣ Карпатъ, въ теперешней области.* И предки графовъ Чаки спасались подобно сему.

Изложенное даетъ основаніе заключить, что церковнославянщина стремилась къ нашей области естественнымъ путемъ и съ сѣверо-запада черезъ Карпатскія горы. По течению истоковъ р. Тисы пріютилась она въ Чонадѣ, позже въ Терновомъ и укрѣпилась въ областяхъ Мукачевскаго епископа (Грушево-Мукачево).

Мой взглядъ подкрѣпляется и тѣмъ, что сейчасъ и прагматическая исторія учитъ, что угры *поселились въ Запись черезъ Седмоградскіе переходы* (Несторъ писалъ, что угры перешли черезъ великія горы); чѣмъ и подтвердились изслѣдованіе Ф. Сасинка¹⁾ самыми мадьярскими историками.

Привить эту кириллическую культуру въ *своихъ среднихъ школахъ* вздумалъ уже епископъ Йоаннъ Грегоровичъ (1627—33), но, за неимѣніемъ средствъ, ему сіе не удалось; а во второй половинѣ XVIII вѣка епископъ Мануилъ Ольшавскій уже отважился открыть такую школу въ Мукачевѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ открытый д-ръ Стрипскимъ учебникъ съ кириллическимъ и латинскимъ параллельнымъ текстомъ для дѣтей, изданный имъ въ Коложварской типографіи въ 1746 г. подъ заголовкомъ: „*Начало писменъ Дѣтемъ къ на-*

¹⁾ Fr. Sasinek. Арпадъ и Угры. Листокъ. 1894. 1895.

ставлёнію на Лашинскомъ языке.“¹⁾ Въ этой Мукачевской школѣ учились и дѣти дворянъ. Можно предполагать, что еп. Ольшавскій имѣлъ намѣреніе дать образованіе и мірской значи. Только при еп. Андреѣ Бачинскомъ осуществилось стремленіе его предковъ — воспитаніе молодежи русской въ гимназіи Ужгородской, но осуществилось уже безъ кирилловицыны, къ которой стремились предки а должно быть и онъ самъ.

Но изъ Мукачевской богословской школы ея направленіе продолжается какъ въ духовной, такъ и въ учительской семинаряхъ Ужгородскихъ; и богословы переводятъ „Церковную Исторію“ А. Балудянского на русскій языкъ. А латинскій языкъ во время еп. Алексія Повчія (1816—1831) береть верхъ, и упрочивается. Съ 1835 г. возрождается мадьярско-национальный духъ и находитъ приверженцевъ и среди нашихъ людей. Нашъ клиръ говоритъ въ то время на трехъ языкахъ, а въ среднихъ школахъ получаетъ образованіе на латинскомъ, а позже мадьярскомъ.

Не удалось помянутымъ епископамъ открыть въ своей области печатни и типографій. Въ Тирнаву, Коложвары, въ Вѣну скачутъ они печатать учебники; „Букварь“ Брадачевъ конфискуютъ. Даже Андрею Бачинскому, сему надежнѣйшему въ Вѣнѣ (*gratissima persona*) епископу, — совѣтами которого пользовалась Вѣна во время раздѣла Польши, — не удалась своя книгопечатня, несмотря на то, а можетъ быть именно изъ-за того, что при немъ восхвалялось въ предѣлахъ епархіи, все, что пахло русскимъ, какъ свидѣтельствуютъ мадьярская книга *Déchy*, — и латинская „*Brevis notitio fund. Koriatovicsensis*“ I. Базиловича.

Осуждать нашихъ предковъ за то, что въ разговорной рѣчи они подверглись латинизаціи, а позже мадьяризаціи, могъ бы только тотъ, кто показалъ бы намъ въ минувшемъ на существованіе среднихъ школъ въ нашей области съ русско-церковнымъ преподавательнымъ языкомъ. Но какъ помянутые епископы, такъ и все духовенство стойко защищали и хранили свою церковно-русскую письменность до временъ Духновича.

¹⁾ Jegyzetek. Я. Стрипскій р. 84—85 съ подлиннымъ текстомъ 1-го (заглавіе) и 18-го листа in 8º (факсимиле.)

И въ то время какъ во Львовской митрополичьей палатѣ въ 1837 г. одинъ Мукачевскій епископъ, Василій Поповичъ (во время своего рукоположенія)¹⁾ сказалъ тостъ по русски, всѣ прочие говорили по польски. Въ Ужгородской епископской резиденціи лишь съ 1870-ыхъ годовъ, и то не окончательно, русскій языкъ уступаетъ мадьярскому. И въ *нашій области* не посмѣли начать реформировать кириллицу на латинско-мадьярскій ладъ даже пресловутые экспериментаторы.

Кириллица была и есть у насъ свящая азбука; непринесенная святыня. Покушеніе на нее только дискредитировало самихъ реформаторовъ; и не удалось и во время войны; напротивъ, оно довело до крайности оскорбленный людъ противъ самого правительства, которое раньше народъ всегда уважалъ.

Одно не двигалось впередъ за отсутствіемъ учебниковъ, — элементарные школы. Онѣ, конечно, существовали и въ 40-ые годы минувшаго столѣтія; но вотъ въ какомъ положеніи.

„Обыкновенно 5—6 мальчиковъ собирались у дьяка, въ его тѣсной избѣ, и изучали грамоту по напечатаннымъ въ *Пештѣ*, тамошними сербами: Букварю, Часослову, Псалтыри“²⁾. Вотъ при такихъ обстоятельствахъ вздумалъ издавать для „презрѣщихъ русняковъ“ свой „Букварь“ нашъ безсмертный А. В. Духновичъ. Для того требовались при безкорыстіи и жертволовбіи еще и мужественная отвага, горячая любовь къ народу, крѣпкая вѣра, и непоколебимая надежда въ успѣхъ; мадьярско-национальный духъ охватилъ въ то время уже и графовъ (Академія наукъ) а у насъ и поповъ и дьяковъ.

А. Духновичъ отважился, и издалъ первую русскую азбуку въ 1847 г. До появленія сей „Книжицы“, Духновича знаютъ только ученые люди; съ появленіемъ „Книжицы“ — открывается онъ предъ лицемъ всего народа. Не даромъ раздался гимнъ:

„Я русинъ былъ, есмь и буду“.

Эта пѣсня произвела чудо. Не диво! „Русская, правдива, горячая душа звучала и дышала въ ней; и такъ и хва-

¹⁾ Устное преданіе о. протоіерея Іоанна иногда Яковича, сказанное мнѣ до 1898 года.

²⁾ А. Кралицкій (І. Василіевичъ. И. В.) Воспоминанія. Листокъ.

тала васъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны". *Любовью по русской родинѣ отозвалась она!* Эта пѣснь уже лешѣла изъ Пряшева въ сосѣднія сѣла, тутъ подхватили ее и разнесли во всѣ стороны. *И закрѣпилась она въ памяти народа.* Угочане спѣвали ее до войны, — не въ школахъ, тамъ было запрещено, но на домашнихъ собраніяхъ . . . тихонько . . . спрашивая другъ у друга: „памятаешь еще, якъ бывало? помнишь еще: Я русинъ былъ?“ Не можно не помнить и теперь!

Но какъ возбуждала эта пѣсня въ 1850—60-ые годы, описать то — безсильно перо. То лишь можно почувствовать. *Духновичъ почувствовалъ это и высказалъ простой рѣчью;* духомъ понялъ и перечувствовалъ за нимъ и высказалъ маленький мальчикъ, и сѣдовласый старикъ; ибо они видѣли побѣдителемъ во славѣ и могучаго русскаго брата, съ снисходительною любезностью склоняющагося не только къ меньшему брату, на нашей области, но даже къ непріятелю. Его просилъ о помощи ненавидимый нѣмецъ, налагавший послѣ неудачнаго возстанія 1711 года, все большія и большія подати; его звали о помощи и мадьяры и тогда и теперь! Онъ побѣжалъ, ибо онъ былъ могущественнѣе обоихъ; а намъ — братъ родной!

Какъ не понять Духновича? „*Великій мой родъ и славный Духомъ и силою славный. Всѣмъ народамъ приемный.*“

Эти чувства закрѣпило въ общественной жизни содержаніе пѣсни „Я русинъ былъ“.

Въ теченіе немногихъ лѣтъ не было человѣка, который бы не призналъ за Духновичемъ не только первенства, но и совершенной побѣды надъ косносѣю и надъ латинско-мадьярскимъ порабощеніемъ. Отъ сихъ вліяній остерегаетъ онъ своихъ соколять въ лебединой пѣснѣ:

„Не красился пѣремъ чужимъ,
А крѣпился духомъ дужимъ“.

Да, да! требовалась крѣпкая душа, чтобы въ пряшевской области не подпасть подъ вліяніе болѣе культурныхъ нѣмцевъ, господствующихъ мадьяръ или не обратиться въ словенско-нѣмецкую вѣру!

Духновичъ восхвалялъ того, кто „мужъ по сердцу Руси“; у коихъ „хоть она на Невѣ, хоть за горами, Русь едина,

мысль одна у всѣхъ въ душѣ“. Онъ вѣрилъ, что: „Карпаты не разлучать вѣчно нась“.

И воодушевляясь самъ пѣлъ:

„Пойте хлопцы и дѣвицы!
„Заспѣвайте русску пѣснь,
„Повитайте нову жизнь!“
„Русски дѣти вамъ свѣтаетъ,
„Слава-мати васъ витаетъ:
„Подъ Бескидомъ, родномъ краю,
„Въ томъ исконно русскомъ раю“.

И въ 1860-ыхъ годахъ во всѣхъ слояхъ видѣли сознательно единый русскій народъ въ его національной и политической жизни. Сего свидѣтели вотъ — всѣ мои сверстники!

И мы, уже второе послѣ Духновича школьнное поколѣніе — когда отцы наши читали книги его и зубрили силлабизуя: азъ — земля = азъ; буки — укъ = бу = азбу; какъ — азъ — ка = азбука, моя милая книжица! А „книжица“ и прочіе учебники Духновича послѣ неудачной мадьярской революціи безъ остановки высылались изъ Пряшева. Задержкой былъ долгій путь. Это не удивительно, кто знаетъ какъ трудно было сообщаться до 50-ыхъ годовъ. Кошицы—Ясеньская дорога начала строиться въ 50-ыхъ годахъ. Но какъ почитали книжечки Духновича, то и недовѣряющіе успѣху взялись за народное дѣло и въ теченіе двадцати лѣтъ Подкарпатье преобразилось. Сему, конечно, помогло и освобожденіе крѣпаковъ отъ панщины. При хозяйствѣ на своихъ собственныхъ нивахъ материальный благобытъ улучшился. И стало гораздъ „Иванови“, да и ремесленнику, и пану при земледѣлцѣ, потому что: „хорошо всѣмъ можешъ бысть только тогда, когда хорошо самому сильному, трудящемуся большинству“. Этотъ самый сильный бывшій крѣпакъ сталъ просвѣщаться при помощи своихъ грамотныхъ братьевъ: русскихъ интеллигентовъ, которые по мѣрѣ преображенія простолюдина, находили ему подходящія служебныя мѣста въ свѣтскихъ урядахъ, такъ какъ мадьярское джентри, послѣ революціи 1848/49 года, во время абсолютизма служить перестало.

Въ эти годы строилось у насъ наибольшее число каменныхъ церквей; дома парохіальные снабжались надписью:

„Миръ дому сему“; на школахъ „парадныхъ“ дѣлалась надпись: „Народная школа“. Не одни лишь мальчики учатся въ нихъ, но по „недѣлямъ и свяштамъ“ собираются до вечерни молодцы и дѣвицы повторять Слово Божie, а послѣ вечерни учатся мірской наукѣ. Потомъ и старшая „челядь“ собирается и по доброй волѣ священника и пѣвцеучителя просвѣщается. Учатъ и взрослыхъ грамотѣ; читаютъ, слушаютъ *ченіе* газеты („новинки“), книжки; упражняются въ „краснопѣніи“ составляя хоры; поютъ „на гармонію“ и вмѣсто заунывно однозвучной, гремитъ мелодическая пѣснь: „Дай намъ Боже добрый часъ, прїди ты до насъ, у богатыхъ дѣвочокъ“, поютъ даже художественные церковные пѣсни, квартеты. Даже пьесу сыграли „Добрѣтель превышаетъ богатство“.

Епископы *Василій Поповичъ и Йосифъ Гаганецъ* не только поощряютъ, но даже безпощадно взыскиваютъ съ тѣхъ, кто не ведетъ этой работы; а межъ клиромъ и пѣвцеучительствомъ по „намѣстничимъ соборамъ“ начинается *состязаніе*: *кто первый, кошорый соборъ больше успѣваешъ въ распросраненіи культуры. Послѣдствіемъ состязаній* оказалась высокая цифра грамотности у подножія горъ, по низинамъ, гдѣ сообщенія были легче и церкви и школы ближе. Но и правда, что школы были всѣ вѣроисповѣдныя, по духу народа; преподавательнымъ языкомъ былъ въ нихъ русскій и не было тормазовъ контроля державного правительства, которое безъ согласія епархіальной власти до 1880-го года не опредѣляло даже учебниковъ.

Послѣдствіемъ грамотности и общественного вліянія было и *нравственное возрожденіе народа*. Организуются общества трезвости; считается стыдомъ даже войти въ корчму (Мукачевская область). Разбойничіи села преобразовываются въ трудолюбивыя, мирныя, довольствующіяся плодами своей прилежной работы.

Что сказать о *тогдашихъ, уже мадьярскихъ среднихъ школахъ?* опишу лишь свои воспоминанія. Въ 1869 г. помню въ Ужгородѣ „юніались“ на „Червленицѣ“. Русскій хоръ гимназистовъ пѣлъ: „Миръ вамъ братья“, „Русска земля“, „Гей славяне“. Межъ гимназистовъ помню изъ Угочи Стекольчика, Щуку, Чепеша, моихъ сошкольниковъ Ковтюха, Погранича;

всѣ сыновья простого народа и всѣ они потомъ стали добро-совѣстными чиновниками. А межъ 1869—1877 годами я насчи-талъ 20 учителей гимназіи, русской народности отъ Левочи до Мукачева; ихъ было больше, чѣмъ требовалось для ужгород-ской гимназіи, если бы въ ней былъ преподавательнымъ язы-комъ русскій. И мы съ о. Иваномъ Кизакомъ зубрили въ Пряшевѣ русскую стилистику, я сдалъ матуру въ Ужгородѣ и по русской литературѣ; въ духовной семинаріи съ нимъ же и нашими товарищами постоянно разговаривали въ „Рус-скомъ клубѣ“, даже „сочиняли“ въ самообразовательномъ кружкѣ; а на празднествахъ пѣли хоромъ: „Подкарпатскіе русины“, „Выхожу одинъ я“, „Звени, звени“. Церковный нашъ хоръ, при регентѣ Юліи Дрогобецкомъ, достигъ со-вершенства; и помню Мишковы, гдѣ ужгородскій хоръ на состязаніи всѣхъ хоровъ Угорщины получилъ первую награду.

Въ теченіе 20 лѣтъ у насъ появилась уже свѣтская интеллигенція. Она подготовлялась въ ужгородскомъ конвиктѣ, основанномъ еп. Повчіемъ, и пряшевскомъ, основанномъ Дух-новичемъ и Добрянскими. Уже вскорѣ послѣ революціи (1849 г.) оба епископа выслали лучшихъ богослововъ въ юриди-ческія академіи и въ университѣты; шакъ и образовалась свѣтская интеллигенція; менторамъ ихъ въ Пешѣ и Вѣнѣ были А. Добрянскій, І. Раковскій. Духовная семинарія воспи-тывала русскихъ поповъ; а учительская семинарія, — един-ственное наше заведеніе съ русскимъ преподавательнымъ язы-комъ, — до самыхъ 1880 годовъ воспитывала ревностныхъ русскихъ пѣвцеучителей. И вся эта интеллигенція въ 60-ые годы, единая въ словѣ, чувствѣ, несмотря на свою бѣдность, горитъ желаніемъ дѣйствовать для блага своего „бѣднаго русскаго народа“.

А. Духновичъ не дожилъ до открытія „Общества св. Василія В.“; но онъ съ Пряшевскимъ литературнымъ кружкомъ былъ его дѣйствительнымъ организаторомъ. Великую часть членовъ сего общества составляла уже и свѣтская интел-лигенція. Въ 1869 г. всѣхъ членовъ было 662. Изъ Пряшев-ской епархіи 75. Изъ Земплинской жупы, и изъ Ужской, при-надлежащихъ теперь къ Словакіи — 118, (Винянскій Межи-лаборчанскій округъ, село Ластоміръ), изъ-за Тисы 26, всего

202 члена въ тешерешней области Подк. Руси; а изъ нашей области 460.

Громадная часть членовъ были уже ученики Духновича по его книгамъ и грамматикѣ. При нихъ поднялась наша литература, народная работа кипѣла; законъ 1868 года называвшъ это *поколѣніе orosz nemzet — русскій народъ*.

И этотъ *русскій народъ*, единый и въ политическомъ отношении, которого кличемъ была: „Автономная-Русская-воеводина“, показалъ безпримѣрную общерусскую солидарность на выборахъ въ сеймовые представители (1867 г.) Нашъ людъ ходилъ пѣшкомъ 60—70 километровъ и обратно на мѣсто выборовъ и дружно, крѣпко стоялъ за своихъ русскихъ кандидатовъ. — Помню еще какъ въ 1883 г. Рѣпедская честная громада не приняла въ церковную буксу 5 золотыхъ отъ подплаченного предателя: „понеже цѣна крове есть“.

Еще при жизни достигъ батько признательности благодарнаго своего народа. А. Павловичъ въ своемъ задушевно умильномъ поздравленіи писалъ Духновичу такъ: „Здравствуй, батьку солоденькій“, и истинно пророчествовалъ о немъ:

„Земли нашей мужъ великий,
Поживешь въ сердцахъ ей въ вѣки“.

И эта пѣсня живешъ и служишъ доказательствомъ того, что не забыли Духновича!

Эту пѣснь сгармонировалъ также нашъ человѣкъ, какъ и прочія, исполняемыя на вечернемъ концертѣ. Можетъ быть онѣ не совершенны. Но ихъ превосходство состоитъ въ томъ, что онѣ — наши. Въ празднество Духновича не слѣдуетъ украшать себя чужими перьями!

Изъ намековъ, словъ моей простой братіи, когда омадьяренные жители Тиса-Уїгели при учителѣ Тучномъ сказали мнѣ: „Благодаримъ Васъ, Вы дали намъ п. учителя, который научилъ нашихъ дѣтей тому, что мы забыли (русской грамотѣ, русской пѣснѣ, русской рѣчи); когда мой покойный старый кураторъ Иванъ Комятій сказалъ мнѣ въ поздравительной рѣчи: „Лишь на томъ васъ просиме, абы вѣру не продавали“, (т. е. мадьярскій языкъ не вводили въ богослуженіе), я убѣдился, что хотя мы при нашей способности легко можемъ научиться любому языку, но не пренебрегаемъ и простацкой нашей рѣчью, и наши русскія тра-

диції закрѣплены въ сердцахъ они и всыхнуша по первому внѣшнему знаку. Этошъ знакъ далъ А. Духновичъ, заговорившій отъ души своего русскаго племени. И онъ умѣлъ обращаться со своимъ народомъ и его духомъ потому, что дѣла его показывали его прямодушie, безкорыстie и его привлекающую къ нему любезность; только такой характеръ и могъ орудовать при нашихъ упрямыхъ нравахъ.

Національное и літературное направление нашихъ отцовъ во время кончины А. Духновича было окончательно опредѣлено. Уклониться отъ него вздумали позже — при мѣняющихся прозвищахъ — предатели русской народности; но эти неестественные прозвища въ дѣйствительности не прививались къ карпаторусскому деревцу. Зачинщиковъ таковыхъ штукъ называютъ „штреберами“. „Есть того цвѣту по всему свѣту“.

Тѣмъ больше славы широкимъ слоямъ народа и интеллигентамъ, защищавшимъ наши права въ 1860—70 годы. Это были настоящie соколяша батька. Молодежь, восписанная на грамматикѣ, прозванной теперь „московскою“, училась и говорила „грамматически“, въ Пряшевѣ по пряшевскому а въ Ужгородѣ по ужгородскому произношенію. Которое произношеніе лучше-краше не спрашивалось, ибо былъ авторишъ — русскій языкъ, русская литература! Это понималъ каждый. И доказательствомъ что это поколѣніе — училось для жизни — мои съдовласые сверстники; про насъ не спрашиваюшъ: „Ба што говоришъ?“

Когда бы у нашихъ дѣтей обязащельнымъ предметомъ какъ и у насъ, былъ літературный русскій языкъ и въ гимназіяхъ, не появилось бы четвертое школьное поколѣніе! Произношеніе словъ въ живой рѣчи по домашнему нарѣчію не мѣшаетъ единству литературнаго языка. А культурный русинъ долженъ разумѣть русскаго; а русскій; понимать русина и въ разговорѣ.

Къ сему подготовляль, и на это направленіе показалъ нашъ будитель.

Его благодаримъ, что не померла прадѣдовская азбука, его восхваляемъ, что остались русскимъ народомъ. Если-бы привились въ нашемъ обществѣ и его добродѣтели: безкорыстie, прямодушie, любезность, и смѣлая отважность, то по-

стояли бы мы крѣко за нашу азбуку, за наши русскія традиціи! Они спасали предковъ отъ погибели, они спасутъ и насъ!

Сейчасъ уже два памятника въщаютъ славу нашихъ южнокарпатскихъ сыновъ объ ихъ культурномъ подвигѣ.

Одинъ тутъ, предъ вами: памятникъ въ честь *поповскаго сына, А. Духновича, нашего будищеля.*

Второй, на юго-востокѣ, въ столицѣ Болгаріи, на площади Софіи; это памятникъ въ честь *дьяковскаго сына, Юрія Гуцы — Венелина, будищеля народа болгарскаго.*

Оба памятника посвящены въ знакъ благодарности.

Дай Господи! чтобы и изъ сыновъ учащейся нынѣ молодежи земледѣльческаго народа вышелъ знаменитый вождь русскаго народа, который будетъ достоинъ подобной благодарности по потомковъ!

Євменій Сабовъ.
